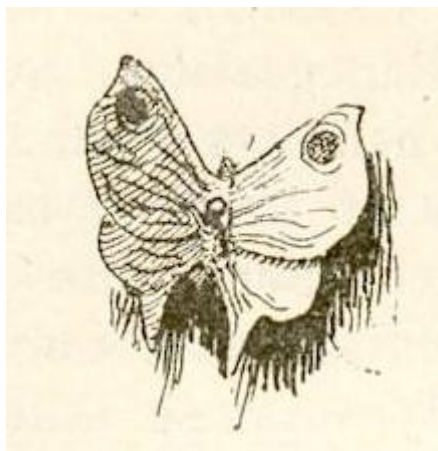

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Мотылёк

Мотылёк вздумал жениться. Конечно, ему хотелось взять за себя хорошенький цветочек.

Он посмотрел кругом: цветочки сидели на своих стебельках тихо, скромно, как и подобает ещё непросватанным барышням, но выбрать было ужасно трудно — так много их было.

Мотыльку скоро надоело раздумывать, и он порхнул к полевой ромашке. Французы зовут её маргариткой и уверяют, что она умеет ворожить. По крайней мере, влюблённые всегда прибегают к ней, обрывают лепесток за лепестком и приговаривают: «Любит всем сердцем? всею душою? очень? чуть-чуть? ни капли?», или нечто в этом роде; всякий, ведь, спрашивает по-своему. И мотылёк тоже обратился к ромашке, но не стал обрывать лепестков, а перецеловал их, думая, что всегда лучше действовать добром.

— Матушка-маргаритка, полевая ромашка, мудрейшая из цветов! — сказал он. — Вы умеете ворожить! Укажите же мне мою суженую! Тогда, по крайней мере, я сразу могу посвататься.

Но ромашка молчала, — она обиделась; она была девицей, а её вдруг назвали матушкой — как вам это нравится?

Мотылёк спросил ещё раз, потом ещё, ответа всё не было, он соскучился и прямо полетел свататься.

Это было раннюю весной; всюду цвели подснежники и крокусы.

— Недурны! — сказал мотылёк. — Миленькие подросточки! Только...

зеленоваты больно!

Мотылёк, как и все юноши, искал девиц постарше.

Потом он оглядел других и нашёл, что анемоны горьковаты, фиалки немножко сентиментальны, тюльпаны – щеголихи, белые лилии простоваты, липовые цветы и малы, да и родни у них пропасть, яблочные цветы, конечно, чуть-чуть не розы, но уж чересчур недолговечны: ветром пахнуло, и нет их, стоит ли тут жениться? Горошек понравился ему больше всех: бело-розовый, просто кровь с молоком, нежный, изящный, да и на кухне не ударит лицом в грязь, словом, девица хоть куда! Мотылёк совсем было уж собрался посвататься, да вдруг увидал рядом стручок с увядшим цветком.

– Это... кто же? – спросил он.

– Сестрица моя! – отвечал горошек.

– Так потом и вы такая же будете?

Мотылёк испугался и поскорее улетел прочь.

Через изгородь перевешивалась целая масса каприфолий; но эти барышни с вытянутыми жёлтыми физиономиями были ему совсем не по вкусу. Да, но что же было ему по вкусу? Пойдите, узнайте!

Весна прошла, прошло и лето, настала осень, а мотылёк не подвинулся со своим сватовством ни на шаг. Появились новые цветы в роскошных нарядах, но что толку? С годами сердце всё больше и больше начинает тосковать о весенней свежести, об оживляющем аромате юности, а не искать же их у осенних георгин и шток-роз! И мотылёк полетел к кудрявой мяте.

– На ней нет никаких особых цветов, но она вся один сплошной благоухающий цвет, её я и возьму!

И он посватался.

Но мята не шелохнула листочком и, наконец, сказала:

– Дружба и – больше ничего! Мы оба стары; друзьями мы ещё можем быть, но пожениться?... Нет, что за дурачество на старости лет!

Так мотылёк и остался ни с чем. Он уж чересчур много выбирал, а это не годится, – вот и остался старым холостяком.

Скоро налетела непогода с дождём и изморосью; поднялся холодный ветер; дрожь пробирала старые скрипучие ивы. Несладко было разгуливать по такому холоду в летнем платье. Но мотылёк

и не разгуливал, – ему как-то удалось залететь в комнату; там топилась печка, и стояло чисто летнее тепло. Жить бы да поживать здесь мотыльку. – Но что это за жизнь? Мне нужны солнце, свобода и хоть маленький цветочек! – сказал мотылёк, полетел и прямо ударился в оконное стекло.

Тут его увидели, пришли от него в восторг и посадили на булавку в ящичек с прочими редкостями. Большого для него уж не могли сделать.

– Теперь и я сижу на стебельке, как цветок! – сказал мотылёк.

– Не особенно-то это сладко! Ну да зато это нечто вроде женитьбы: тоже сидишь крепко.

И он утешался этим.

– Плохое утешение! – сказали комнатные цветы.

«Ну, комнатным цветам не очень-то верь!» думал мотылёк. «Они уж чересчур близко знают с людьми».

✖ ✖ ✖ ✖ ✖

✖ Загрузка...